

ПРОЛОГ

СКВОЗЬ ВРЕМЯ

Посмотрите подольше на море, когда оно капризничает или бушует, посмотрите, каким оно бывает прекрасным и жутким, и у вас будут все истории, какие только захотите. О любви и опасностях, обо всем, что жизнь может принести в вашу сеть. А то, что порой не ваша рука управляет штурвалом и вам остается только верить, так это хорошо.

Джоджо Мойес. «Серебристая бухта»

Все было как обычно, и тем не менее он почувствовал странное беспокойство. Это беспокойство не исчезало, и он не знал, что с ним делать.

Капитан «Титаника» Эдвард Джон Смит был опытным моряком и знал, что поддаваться панике на море — последнее дело. Капитан должен внушать чувство уверенности, спокойствие, потому что в его руках не только корабль, в его руках судьбы людей, вверенные ему на время. Но сам себе он не хотел признаваться, что с утра его мучает головная боль и боль эта не проходит. Он был несуеверным человеком, но почему-то ему хотелось поскорее закончить этот рейс, несмотря на то что он обещал быть самым громким и знаменитым за всю историю мореплавания. «Титаник» подавлял своим великолепием, ошеломлял тем, что он, казалось, бросает вызов океану, дерзкой стихии. На нем было все, что можно только пожелать, — никогда еще людям не предлагалось путешествовать с таким комфортом и в такой роскоши.

Корабль был непотопляемым, капитан слышал это со всех сторон, что настораживало. Здесь крылся какой-то подвох. Какая-то неправильность. В море нельзя быть ни в чем уверенным. Это стихия, неподвластная людям.

Но рейс закончится через несколько дней, и если он постарается, то получит «Голубую ленту Атлантики» — приз за быстрое судоходство. И плавание на «Титанике» останется позади, станет еще одной вехой в его биографии, о которой Смит станет вспоминать, когда выйдет на пенсию. Он был самым известным капитаном в Северной Атлантике. Триумфальное плавание на «Титанике» должно было завершить его карьеру и стать последним рейсом.

На корабле был один груз, о котором он старался не думать. Мумия в деревянном ящике около капитанского мостика. Сначала он не понял, в чем дело, а потом ему объяснили, что ее нельзя везти в трюме, как обычный груз. Она слишком ценная. Капитан поморщился, но сделал так, как его просили. Он был обязан выполнять пожелания пассажиров «Титаника». На судне плыли самые богатые и знаменитые люди мира, чье слово являлось законом, и он должен был делать то, о чем его попросят.

Смит старался не думать о том, *что* находится в ящике, ведь когда он думал об этом, на него нападало странное оцепенение, а перед глазами возникал легкий туман.

14 апреля в девять часов вечера, стоя на капитанском мостике, Смит обсудил со вторым помощником погоды. Сильно похолодало. Радиogramмы передавали о скоплении льдов на их пути. Ситуация была рискованной, но корабль казался надежным, а риск — постоянный спутник моряков. Капитан хотел поскорее уйти в каюту и забыться сном. Никогда у него не было рейса, когда бы его так мучили головные боли и внезапно нападала слабость, которую он был вынужден от всех скрывать.

В этот день слабость появилась с самого утра. Как во сне он смотрел на телеграммы, предупреждавшие о льдах. Нужно было снизить скорость, но все внутри противилось этому. Он не узнавал сам себя...

Он уснул... И во время сна перенесся на мостик. И с ужасом почувствовал дрожь и вибрацию, исходящую от ящика. Он понял, что сейчас произойдет нечто ужасное, хотел крикнуть, проснуться, предупредить вахтенного, но не мог. Он видел безлунное небо с яркими звездами, темную маслянистую воду, айсберг, выросший на пути корабля внезапно, словно ниоткуда, который шел прямо на корабль... Язык Смита был скован, он зашелся в немом крике, и вскоре резкий толчок сотряс лайнер.

Он открыл глаза: «Какой ужасный сон».

Но ему требовалось подтверждение, что весь этот кошмар — всего лишь сон.

Капитан быстро выбежал из каюты на мостик.

— Что это было?

И услышал в ответ:

— Айсберг, сэр.

ГЛАВА 1

НАЧАЛО ЛЕГЕНДЫ

*Вездесущее, грозное и колдовское море растворяло
в себе муки, жгучие желания, душевные связи,
ненависть и надежду, все это отдалялось,
казалось лишенным смысла,
поскольку в море человек становится
эгоистом и поглощен лишь самим собой.
И кое-что невыносимое на суше — мысли, разлуки,
утраты — в море перенести можно.*

Артурос Перес-Реверте.
«Карта небесной сферы,
или Тайный меридиан»

●

ИЗ ДНЕВНИКА ЭЛИОНОР МЭЙ
1912 ГОД

Скоро я отправлюсь в большое путешествие. Первое в моей жизни. Моя няня Мэгги говорит, что я должна не волноваться, а радоваться, ведь если бы на семейном совете не было решено, что я должна повидать мир — я бы так и осталась дома.

Нельзя сказать, что я не любила наш городок и наш дом. Все было привычным и знакомым. Тихий город на севере Англии — покатые холмы, древнее аббатство, река, разделяющая город на две половины, наш дом — большой, красивый — мир, в котором я росла с самого раннего детства.

Но океан... Это всегда наполняло меня странным ожиданием чего-то. Может быть, чуда? Перед моим отъездом мама всплакнула, она не хотела отпускать меня, но отец сурово нахмурил брови и сказал, что это лишнее, я уже взрослая, и меня можно отпустить одну.

— Но она же едет не совсем одна, — возразила мама. — Там будет кузина Бетти. — При этих словах лица у всех вытянулись, как будто они услышали что-то непристойное. Краем уха я слышала про свою кузину, но обычно разговоры о ней шли вполголоса и без продолжения — как только меня обнаруживали поблизости, разговор обрывался. Однажды я подошла к двери, но, услышав голоса

родителей, затаилась и стала невольной свидетельницей разговора, происходившего между ними.

— Она сошла с ума! — сердито говорил отец. — И просит уж совсем большую сумму. Мы не так богаты, как она думает, и не можем ей помочь. Пора бы ей научиться жить самой, а не рассчитывать на других.

— Она старается, — виновато сказала мама, — но у нее не всегда получается. Ты же знаешь, после той истории... Рэндольф... — просительно молвила она.

Наступила пауза, потом я услышала бесконечно усталое, как будто из отца выжали все силы:

— Хорошо. Я сделаю, как ты просишь, Энн...

Потом раздался звук поцелуя, и я, отпрянув от двери, быстрыми шагами направилась в противоположную сторону.

Имя кузины Бетти всегда было окружено в нашей семье некой тайной. Мама никогда о ней не говорила, а я согласно старой семейной традиции — не спрашивала. Кузина Бетти жила в Париже, давно покинув нашу нежную Англию, изредка отправляя нам письма и открытки. Мама их не читала, а сразу складывала в красивую шкатулку из розового дерева, которую закрывала на ключик. Пару раз я видела, как она доставала письмо и плакала, читая его. Меня к шкатулке не допускали, хотя она стояла в маминой спальне на видном месте, но ключ мама всегда носила с собой.

Однажды она вышла из спальни, ее срочно позвали. Я пробралась туда и стояла около трюмо, вдыхая сладкий аромат духов. Шкатулка была приоткрыта, я оглянулась: мамины шаги удалялись от двери. Я решила в один момент. Быстро открыла шкатулку и, сунув наугад туда руку, достала открытку. Она слабо пахла сладким обворожитель-

ным запахом... На ней была изображена красивая темноволосая молодая женщина с розой в руке и в обрамлении гирлянды цветов. Она стояла впол-оборота и улыбалась. А за ней была парижская улица и высилась Эйфелева башня.

Раздались легкие шаги, и я, сама не зная почему, сунула эту открытку в рукав и отскочила от трюмо.

Мама вошла сияющая, с улыбкой на лице.

— Ты здесь? — спросила она.

— Да, я искала тебя и поэтому зашла в спальню.

Потом долгими вечерами перед сном я смотрела на эту открытку и любовалась женщиной и кусочком Парижа. Все это было внове, мучительно-сладко, таинственно. Огромный мир существовал за окном моего дома, а я пока была всего лишь зритель, но не участник событий в нем. Но события ждали меня, ждали, когда я вырасту...

Порой мне казалось, что время течет преступно медленно... И я никогда не повзрослею, не вступлю в другую, не похожий на наш мир.

И когда мама за вечерним чаем сказала, что мы с ней поедem на «Титанике» в путешествие, я невероятно обрадовалась. Да что там, я была уверена, что ослышалась. Но когда она повторила: да-да, дорогая, мы плывем на «Титанике», я едва усидела за столом, а потом, когда чаепитие закончилось, выбежала в сад и стала рассказывать о своей поездке нашему рыжему сеттеру Чарли. Собака слушала меня внимательно, наклоняя морду то в одну, то в другую сторону, а я присела и зарылась лицом в ее шерсть. Ах, Чарли, прошептала я, как я счастлива, ты даже не представляешь, моя рыжая родная собачица.

Перед сном я, как обычно, достала открытку и долго смотрела на нее.

Иногда я разговаривала с этой дамой, «кузиной Бетти», иногда просто смотрела на ее лицо и мечтала о Париже, о путешествиях, о том, что, возможно, когда-нибудь я объеду весь мир.

Иногда мне казалось, что она в любой момент может сойти с этой открытки и заговорить со мной.

В тот вечер, когда я узнала о поездке, я долго не спала, словно грезил наяву, в ушах звучала музыка. Я представляла, что уже плыву на этом пароходе, любуюсь морем, закатами, рассветами...

Время перед отъездом пролетело быстро, но буквально накануне выяснилось, что мама не сможет поехать со мной. Смущаясь, она сказала, что скоро у меня будет братик или сестричка. И поэтому она вынуждена остаться дома, путешествие для нее — слишком рискованное предприятие. Я поняла, что она была не прочь поехать, но отец протестовал, и ей пришлось подчиниться ему. Со мной поедет наша дальняя родственница, старая тетушка Флосси. Эту тетушку я видела всего два или три раза в жизни, она носила старомодные одежды и выглядела крайне уныло, но меня согревала мысль, что со мной будет кузина Бетти. Да-да! Она должна присоединиться к нам в Шербуре во Франции, где мы остановимся, прежде чем выйдем в Атлантический океан. Я была рада наконец-то увидеть свою родственницу и познакомиться с ней.

За день до отплытия мы переночевали в Лондоне, а оттуда поехали в Саутгемптон.

Настроение у меня было чудесное. Я вертела головой в разные стороны, несмотря на замечания матери, которая все время с мягкой улыбкой призывала меня не отвлекаться, а сосредоточиться перед отплытием. Мне все хоте-

лось запомнить, запечатлеть в памяти, подспудно я чувствовала, что день, когда я ступлю на борт «Титаника», будет одним из самых замечательных в моей жизни.

И вот мы уже подходим к кораблю... Когда я его увидела, чуть не лишилась дара речи: таким огромным и величественным он был. Из его труб поднимались клубы дыма. Родители взошли на палубу вместе со мной и Флосси. Мама была ошеломлена открывшимся великолепием и даже не пыталась скрыть своего потрясения. В ее взгляде, обращенном к отцу, читался скрытый упрек. Было видно, что она очень хочет отправиться в это путешествие, но, как я уже говорила, отец отговорил ее под предлогом заботы о здоровье будущего малыша. Всюду царило оживление, слышались веселые голоса. Мы подошли к шикарной широкой лестнице, в верхнюю часть которой были встроены большие часы с бронзовыми фигурами. А над лестницей возвышался огромный стеклянный купол.

— Ах, Элли! Как все красиво! — прошептала мама, склоняясь ко мне, чтобы скрыть выступившие на глазах слезы. — Как бы я хотела... — И она замолчала.

Мы прошли в читальный зал, а потом в зимний сад, миновали холл...

Мы старались все рассмотреть, запомнить...

Нас потряс ресторан в стиле Людовика XVI: большие оконные ниши, задернутые шелковыми шторами, стены, отделанные под светлый орех. А рядом — кафе «Паризьен» — по-летнему легкое и изящное: вьющиеся растения и плетеные стулья вокруг столиков.

— Мне это напоминает Париж, — прошептала мать.

Один-единственный раз моя мама с семьей, еще до замужества, была в Париже, и та поездка оставила в ее душе неизгладимый след на всю жизнь. Хотя она не любила вспоминать о том путешествии, но когда хотела подчеркнуть значимость момента, говорила: «Мне это напоминает Париж!»

Восхищение вызвал бассейн и комплекс турецких бань. Потом маме почему-то стало плохо. Она остановилась и, виновато улыбаясь, сказала: «Кажется, прихватило сердце».

— Что с тобой, дорогая? — наклонился к ней отец. Он бросил сердитый взгляд на меня, как будто я была виновата в мамином недуге. — Я же говорил тебе: останься дома, я и один смогу проводить Элли. Ты сама вызвалась...

— Да-да. — Мама по-прежнему виновато улыбалась, словно она испортила детям праздник, который они давно с нетерпением ожидали. — Но мне очень хотелось все осмотреть самой, увидеть, на чем будет путешествовать моя маленькая Элли!

Они решили вернуться на берег. Мама тяжело дышала, над верхней губой и на лбу у нее выступили бисеринки пота.

Мы тоже решили постоять на берегу рядом с ними. Мимо нас проходили пассажиры третьего класса.

— Надеюсь, здесь приняты санитарные меры, — прогнусавила Флосси.

— Рэндольф, как ты думаешь, с этим все в порядке? — Мать с беспокойством посмотрела на отца.

— Я навел справки, все пассажиры пройдут медицинский осмотр, так что за Элионор не волнуйся.